

ХРИСТИАНСКАЯ ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ МЕДИОЛАНСКИХ ЕПИСКОПОВ В ЭПИГРАММАХ ЭННОДИЯ

Владимир Михайлович Тюленев

доктор исторических наук
заведующий кафедрой всеобщей истории и международных
отношений Ивановского государственного университета
153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39
tyulenev.vl@yandex.ru

Для цитирования: Тюленев В. М. История медиоланских епископов в эпиграммах Эннодия // Библия и христианская древность. 2025. № 3 (27). С. 132–148. DOI: 10.31802/BCA.2025.27.3.005

Аннотация

УДК 27-29 (27-9) (821.124)

В статье анализируется вклад Эннодия († 521) в формирование исторической памяти жителей Медиолана. В частности, показано, что Эннодий, не ставя перед собой цели систематически изложить историю Медиоланской Церкви, тем не менее сформулировал своё отношение к её прошлому и настоящему. История медиоланских епископов для Эннодия — это история апостольских преемников, первым из которых является Амвросий; именно он для Эннодия выступает подлинным родоначальником Медиоланской Церкви, с него начинается непрерывная цепь преемств. Также для Эннодия было важно показать медиоланских епископов защитниками ортодоксии, прежде всего, в диалоге с восточными Церквями. Наконец, в эпиграммах Эннодий даёт сумму качеств, которыми должен обладать епископ. В статье показано, что этот епископ у Эннодия строится вокруг трёх ключевых понятий: власти, учительства и врачевания.

Ключевые слова: Эннодий, Медиолан, эпиграммы, епископы, историческая память, этос.

The History of the Milan Bishops in the Ennodius' Epigrams

Vladimir M. Tyulenev

Doctor of Historical Sciences

Head of the Department of General History and International Relations

at the Ivanovo State University

39, Ermaka, Ivanovo 153025, Russia

tyulenev.vl@yandex.ru

For citation: Tyulenev, Vladimir M. "The History of the Milan Bishops in the Ennodius' Epigrams". *Bible and Christian Antiquity*, № 3 (27), 2025, pp. 132–148 (in Russian). DOI: 10.31802/BCA.2025.27.3.005

Abstract. The article analyzes the contribution of Ennodius († 521) to the formation of the historical memory of the inhabitants of Mediolan. In particular, it is shown that Ennodius, without setting himself the goal of systematically expounding the history of the Milan church, nevertheless formulated his attitude to its past and present. The history of the Milan bishops for Ennodius is the history of the apostolic successors, the first of whom is Ambrose; it is he who, for Ennodius, acts as the true founder of the Milan church, with whom the uninterrupted chain of successions begins. It was also important for Ennodius to show the Milan bishops as defenders of orthodoxy, first of all, in dialogue with the Eastern churches. Finally, in the epigrams, Ennodius summarizes the qualities that a bishop should possess. The article shows that the ethos of a bishop in Ennodius is built around three key concepts: power, teaching and healing.

Keywords: Ennodius, Mediolanum, epigrams, bishops, historical memory, ethos.

В самом начале VI в. Эннодий, диакон медиоланской церкви и известный ритор, написал цикл из двенадцати эпиграмм, посвящённых епископам города от Амвросия (374–397) до Теодора (475–489), предшественника Лаврентия, при котором Эннодий нёс духовное служение. У нас уже была возможность коснуться этого стихотворного цикла Эннодия, не только дав его общий обзор, но и поговорив о том, насколько в понимании автора важны были риторические таланты церковного пастыря¹. В предлагаемой статье мы хотели бы коснуться ряда вопросов, связанных с вкладом Эннодия в формирование памяти о церковном прошлом истории Меодиолана. Надо сразу признаться, что это только начало разговора, который не может быть ограничен материалом лишь эпиграмм. Нельзя забывать о том, что «медиоланская» тема разрабатывалась Эннодием и в других произведениях, в частности, в гимнах, три из которых посвящены святым этого города (Назарию, Дионисию и Амвросию). Благодаря этому поэтические произведения Эннодия рисуют, пусть и не лишённую лакун, историю медиоланской церкви от Назария, мученика времён Нерона, до епископа Лаврентия, который также удостаивается со стороны Эннодия изысканной речи, написанной по случаю его дня рождения².

Очевидно, ещё задолго до Эннодия Амвросий Медиоланский внёс значительный вклад в формирование христианской идентичности своего города, выстраивая её на почитании местных святых и сохранении памяти о них, в рамках чего он предписал перезахоронить обрётённые мощи близнецов-мучеников Протасия и Гервасия и увековечил память о них в гимнах, а также повелел перезахоронить останки вышеупомянутого мученика Назария, разрушив тем самым стародавние римские запреты, не позволявшие тревожить гробницы и вообще хоронить в пределах города³. Эта «программа» по сохранению истори-

-
- 1 Тюленев В. М. Епископы-риторы в эпиграммах и гимнах Эннодия // *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2022. Вып. 6 (2). С. 63–80; *Он же*. Амвросий Медиоланский в поэтическом осмыслении Эннодия // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. Иваново, 2022. Вып. 13. С. 5–21.
 - 2 *Magnus Felix Ennodius. Opera 2 (olim Carmina I, 6)* // *MGH AA*. 7. P. 4–6; *CSEL*. 6. P. 520–523.
 - 3 Запрет был повторен в Грацианом, Валентинианом и Феодосием в 386 г.: «путь никто не переносит в другое место погребённое тело, пусть никто не разделяет [на части тело] мученика, пусть никто не приобретает его за деньги» (*Cod. Theod.* 9.17.7 ►

ческой памяти, безусловно, была продолжена преемниками Амвросия. Хотя мы и не знаем, насколько успешно это делалось, какие шаги совершались в этом направлении, кроме чтения проповедей в память о святых, но мы точно можем утверждать, что к началу VI в., то есть ко времени диаконского служения Эннодия, сохранялась память (неважно, письменная или устная) о епископах города, об их происхождении и деяниях. В конце концов, Лаврентий (или кто-то из его ближайших предшественников) задумал «визуализировать» эту память, украсив стены одной из медиоланских церквей изображениями (*imagines clipeatae*) местных епископов, поэтическими зарисовками для которых как раз и послужили эпиграммы Эннодия⁴.

Думается, Эннодий с энтузиазмом взялся за предложение Лаврентия написать стихотворные сопровождения к портретам, если, конечно, сам не был инициатором создания этих поэтических зарисовок. Эннодий был не просто мастером слова, для которого поэтические упражнения являлись способом продемонстрировать своё мастерство, он искренне верил в силу слова, способного не только формировать новую реальность, что ярко выражено им в «Дидактическом увещании Амвросию и Беату»⁵, но и единственное может сохранить память о человеке. Не случайно в своём небольшом «Житии монаха Антония», фиктивный характер которого в своё время убедительно доказал С. Жиоанни⁶, Эннодий, рассуждая о посмертной судьбе человека, особый акцент ставит именно на литературном слове, обеспечивающем бессмертие человеку на земле: «Не дано умереть [человеку] по истечении жизненного срока, если что-то из его светлых деяний будет сохра-

► (26.02.386 г.). По мнению, М. Лёкса, впрочем, Амвросий больше заботился не столько о формировании коллективной памяти у христиан Медиолана, сколько о самопрезентации, подчёркивая свои заслуги в обретении мучеников. См.: *Löh M. Monumenta sanctorum: Rom und Mailand als Zentren des frühen Christentums: Märtyrerkult und Kirchenbau unter den Bischöfen Damasus und Ambrosius. Spätantike – Frühes Christentum – Byzanz. Wiesbaden, 2013. (Spätantike, frühes Christentum, Byzanz: Studien und Perspektiven; 39). S. 166.*

4 *Collins S. From Martyrs' Cults to Confessors' Cults in Late Antique Milan: The Mosaics of San Vittore in Ciel d'Oro // Journal of Late Antiquity. 2012. Vol. 5 (2). P. 245; The Poetry of Ennodius / transl. with an introd. and notes by B. Mulligan. London, 2022. P. 15.*

5 *Тюленев В. М. Эннодий: римский ритор в эпоху риторического поворота (к 1500-летию со дня смерти) // Средние века. Вып. 82 (1). М., 2021. С. 158.*

6 *Gioanni S. Une figure suspecte de la sainteté léonienne: saint Antoine d'après la Vita Antoni d'Ennode de Pavie // Recherches augustinienes et patristiques. 2007. Vol. 35. P. 133–187.*

нено для благотворного чтения <...> скоротечность смертной природы без всякой баталии одолевается долговечностью красноречия, благодаря которому образ жизни лучших людей, хотя сами они уже сошли в могилу, не ведает смерти»⁷. Невольно история подтвердила правоту Эннодия: сами епископские портреты того времени в Милане не сохранились, но память о пастырях дошла до сегодняшнего дня прежде всего (а в отношении кого-то из них — исключительно) благодаря поэтическому дару Эннодия.

Прежде чем говорить об идеях, которые можно обнаружить в текстах эпиграмм, нужно сделать несколько предварительных замечаний.

Эпиграммы Эннодия, пусть и названы С. Жиоанни «Книгой медиоланской церкви» («*Liber ecclesiae mediolanensis*») ⁸, всё-таки не являются медиоланским, написанным элегическим дистихом вариантом «*Liber pontificalis*». Мы не погружаемся в событийную историю как таковую, а знакомимся прежде всего с типажам пастырей⁹. Впрочем, Эннодию вполне удаётся сочетать агиографическую топику с индивидуальными характеристиками пастырей¹⁰ и, таким образом, не только нарисовать серию обобщённых портретов священнослужителей, которые обладали бы более или менее устойчивым набором добродетелей, но и кое-где сделать отсылку к истории конкретного пастыря. При этом нам остаётся только гадать, были ли в распоряжении Эннодия какие-то биографические записи о медиоланских епископах, или он пользовался устным преданием, но мы точно можем услышать в его текстах отголоски реальной истории. Так, Эннодий, пусть и поэтическим языком, оставляя пространство для фантазий, рассказывает о епископе Мароле, чьё пастырское служение пришлось на 408–423 гг., указывая при этом, что тот был выходцем из Месопотамии, что именно на Востоке он получил

7 *Magnus Felix Ennodius. Opera* 240, 1–2 (*olim Opusculus* 4. Praefatio) // MGH AA. 7. P. 185–186; CSEL. 6. P. 383–384.

8 *Gioanni S. Augustin, Paulin, Ennode et les origines de la mémoire d'Ambroise (V^e–VIe siècles). Une nouvelle fondation de l'Église de Milan?* // *La mémoire d'Ambroise de Milan. Usages politiques d'une autorité en Italie (V^e–XVIIIe siècle)* / éd. par P. Boucheron et S. Gioanni. Paris, 2015. (*Histoire ancienne et médiévale*; 133). P. 247.

9 *The Poetry of Ennodius*. P. 15.

10 *Collins S. From Martyrs' Cults to Confessors' Cults in Late Antique Milan: The Mosaics of San Vittore in Ciel d'Oro* // *Op. cit.* P. 245.

первый опыт религиозной жизни, возможно, пройдя школу антиохийского христианства¹¹:

«Вод бурных Тигра испивший Марол — тот, что видел
Свет, восходящий в богатых и влажных долинах;
Труд закалил его там, в поднебесье сирийском,
Взял там начало епископ, дары чьи бесщётны»¹².

Эннодий вспоминает также о восточном происхождении Евсевия (449–462), эпиграмму которому он начинает стихами:

«Гостем далёким Евсевий достиг лигурийских пределов:
Сердце любовью его полонил здешний люд незнакомый.
Греком он был, и Титан, восходя, награждал его взором,
Воды морские дробя об утёс, на рассвете багряный»¹³.

Эннодий вспоминает, что епископ Сенатор (472–475) прославился не только своими толкованиями на Священное Писание, но и поездкой на Восток, которая, по всей видимости, случилась ещё до рукоположения Сенатора в епископа, скорее всего, в 450–451 гг., в разгар подготовки к Четвёртому Вселенскому Собору¹⁴. В ходе этой поездки, как можно увидеть из текста эпиграммы, Сенатор одержал триумф в борьбе с еретическими заблуждениями:

«Кладезь из книг; сокровенные тайны пророка
Вывел на свет, как хотел, через иносказанье.
Посланный к тайнам предела вселенной, он с рвением
Вящим всё исцелил, что истерзано некогда было,
Вот он, Восток: показав, что повержен лучом иноземным,
К свету лампы чужой устремил свои взоры»¹⁵.

Многое, как и в случае с поездкой Сенатора в Константинополь, остаётся в изложении Эннодия на уровне намёков, что вполне ожидаемо для краткого поэтического произведения. Но эти намёки, по всей видимости, должны были улавливаться читателями, а это подразумевает

11 *Di Rienzo D.* Gli Epigrammi di Magno Felice Ennodio. Napoli, 2005. (Pubblicazioni del Dipartimento di Filologia Classica «Francesco Araldi» dell'Università degli Studi di Napoli Federico II; 27). P. 61.

12 *Magnus Felix Ennodius.* Opera 198:1–4 (*olim* Carmina II, 80:1–4) // MGH AA. 7. P. 164; CSEL. 6. P. 583.

13 *Magnus Felix Ennodius.* Opera 202:1–4 (*olim* Carmina II, 84:1–4) // MGH AA. 7. P. 165; CSEL. 6. P. 584.

14 *Di Rienzo D.* Gli Epigrammi di Magno Felice Ennodio. P. 74.

15 *Magnus Felix Ennodius.* Opera 205:5–10 (*olim* Carmina II, 87:5–10) // MGH AA. 7. P. 166; CSEL. 6. P. 587.

знание ими контекста. Когда Эннодий пишет о том, что Мартиниан (423–436) стал епископом против своей воли, по скромности своей считая себя недостойным кафедры¹⁶, он не только прибегает к топосу бегства новоизбранного пастыря, но и вспоминает историю, сохранившуюся, очевидно, в предании медиоланской церкви. В той же эпиграмме Эннодий не упускает случая упомянуть о том, что Мартиниан построил в городе два храма-близнеца (*geminas aedes*)¹⁷.

Также в виде намёка сказано Эннодием об отношениях епископа Теодора с Одоакром¹⁸, о том, как варвар, заставлявший трепетать пред собой сильных мира сего, вынужден был смирить свой нрав перед пастырем:

И перед кем трепетали властители мира,

Тот возлюбил тебя, гордый свой норов оставив¹⁹.

Но вернёмся к представлениям об истории медиоланской церкви, которые можно обнаружить в текстах эпиграмм. На наш взгляд, более или менее явно у Эннодия проводятся три мысли. Первая из них, вполне предсказуемая, касается того, что медиоланские епископы — преемники апостолов и первый среди них — Амвросий. Прямо об этом сказано Эннодием даже не в эпиграмме, а в гимне, однако просвещённый читатель и в тексте эпиграммы мог обнаружить указание на связь между епископом и апостолом Павлом, которая выражена через аллюзию на «Деяния апостолов». Фраза о том, что «мужа не жалит ехидна коварная в спину»²⁰, является прямой отсылкой к истории Павла, который стряхнул в огонь повисшую на его руке змею и остался таким образом невредим (см. Деян. 28, 3–6)²¹. Эта общая для церковной истории идея о том, что епископы — продолжатели апостолов, проводится в эпиграммах и далее. Опять же, когда Эннодий приписывает

16 *Magnus Felix Ennodius. Opera* 199:3–4 (*olim Carmina* II, 81:3–4) // MGH AA. 7. P. 164; CSEL. 6. P. 583–584.

17 *Magnus Felix Ennodius. Opera* 199:9 (*olim Carmina* II, 81:9) // MGH AA. 7. P. 164; CSEL. 6. P. 584.

18 *Di Rienzo D. Gli Epigrammi di Magno Felice Ennodio*. P. 76.

19 *Magnus Felix Ennodius. Opera* 206:9–10 (*olim Carmina* II, 88:9–10) // MGH AA. 7. P. 167; CSEL. 6. P. 587.

20 *Magnus Felix Ennodius. Opera* 195:14 (*olim Carmina* II, 77:14) // MGH AA. 7. P. 163; CSEL. 6. P. 581.

21 *Тюленев В. М. Амвросий Медиоланский в поэтическом осмыслении Эннодия* // Указ. соч. С. 10.

епископу Мартиниану красоту голубя и мудрость змея²², он отсылает читателя к Евангелию от Матфея и к словам Спасителя, обращённым к апостолам: «*Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби*» (Мф. 10, 16). В отношении Венерия Эннодий прямо пишет, что тот вскармливал паству апостольским молоком²³, а потом обнаруживает в Теодоре силу апостольского слова²⁴. Не лишним будет также сказать о том, что само количество написанных Эннодием эпиграмм в честь медиоланских епископов невольно отсылает к новозаветной истории. Двенадцать епископов, представленных в эпиграммах, так или иначе, рожают ассоциацию с двенадцатью учениками Христа, с которых берёт начало Вселенская Церковь.

Вторая идея, которую вольно или невольно проводит Эннодий, касается понимания им медиоланской церкви как «церкви Амвросия». И в этом мы должны согласиться с С. Жиоанни, который отводит Эннодию важную роль в формировании концепции «Амвросиевой церкви» (*l'Église ambrosienne*)²⁵. Мы, конечно, можем предположить, что создание портретной галереи, которая начиналась бы именно с Амвросия, далеко не первого епископа Медиолана, было задумано епископом Лаврентием, и Эннодий лишь поэтически оформлял этот замысел, уже воплощённый в настенных портретах. Но дело не ограничивается тем, что цикл начинается с Амвросия. Эннодий упрочивает идею преемства, выражая её на уровне титулов некоторых из эпиграмм, а также отражая её в текстах. Эпиграмма, посвящённая Симплициану, не только имела заголовок, прямо указывавший на преемство её героя Амвросию («*De sancti Simpliciani episcopi succesionis ipsius*»), но и начиналась с упоминания Амвросия и тезиса о наследовании одного пастыря другому:

«Люд овдовевший Амвросий-епископ, скончавшись,
Предал заботам твоим и опеке, наш Симплициане»²⁶.

22 *Magnus Felix Ennodius. Opera* 199:1–2 (*olim Carmina* II, 81:1–2) // MGH AA. 7. P. 164; CSEL. 6. P. 583.

23 *Magnus Felix Ennodius. Opera* 197:10 (*olim Carmina* II, 79:10) // MGH AA. 7. P. 163; CSEL. 6. P. 583.

24 *Magnus Felix Ennodius. Opera* 206:2 (*olim Carmina* II, 88:2) // MGH AA. 7. P. 167; CSEL. 6. P. 587.

25 *Gioanni S. Augustin, Paulin, Ennode et les origines de la mémoire d'Ambroise* (V^e–VIe siècles). Une nouvelle fondation de l'Église de Milan? // Op. cit. P. 240.

26 *Magnus Felix Ennodius. Opera* 196:1–2 (*olim Carmina* II, 78:1–2) // MGH AA. 7. P. 163; CSEL. 6. P. 582.

Следующие эпиграммы, посвящённые Венерию и Маролу, также выражали в заголовке идею преемства: «De beati Vereni sequentis» и «De venerabilis Maroli successionе». Начиная эпиграмму в честь Глицерия, Эннодий продолжает создавать у читателя ощущение движения времени:

«Следует дальше стыдливым багрянцем покрытый,
Дел своих добрых смущаясь, с девичьим лицом наш Глицерий»²⁷.

По сути, зритель, перемещаясь от изображения к изображению, от подписи к подписи, словно бы пролистывает кодекс с церковной историей Медиолана. Вслед за Глицерием

«Лазарь, стою поправ, чтоб вершины порочного мира,
Грозный выходит вперёд, голосов чуть слышав призывы»²⁸.

Третья мысль, которую можно «считать» в эпиграммах Эннодия, касается ортодоксии медиоланской церкви. Очевидно, что Эннодию, который вполне искренне симпатизировал Теодориху — королю, исповедовавшему арианство, было трудно сделать противостояние никейцев и ариан хоть сколько-то значимой темой. Он лишь намекает на конфликт Амвросия и императрицы Юстины в гимне²⁹ и ничего не говорит о нём в эпиграмме. Зато Эннодий, как современник Акакианской схизмы, вполне мог и считал нужным коснуться заблуждений Константинополя, не создавая при этом излишнего напряжения в городе, формально подвластном арианам-остготам. Роль Востока в судьбе медиоланской церкви, как уже можно было убедиться по приведённым выше цитатам, явно волновала Эннодия. Но Восток не только вызывал благоговейное отношение у поэта, который стремился подчеркнуть преемство между латинским и греческим миром, показать, как зёрна, посеянные на Востоке, дали всходы на Западе, иллюстрацией чего служит концовка эпиграммы, посвящённой Маролу:

«Зрите: земля, что окрепла когда-то отцами благими,
Мир озаряет теперь благородством потомков»³⁰.

27 *Magnus Felix Ennodius. Opera* 200:1–2 (*olim Carmina* II, 82:1–2) // MGH AA. 7. P. 164; CSEL. 6. P. 584.

28 *Magnus Felix Ennodius. Opera* 201:1–2 (*olim Carmina* II, 83:1–2) // MGH AA. 7. P. 165; CSEL. 6. P. 584.

29 Тюленев В. М. Амвросий Медиоланский в поэтическом осмыслении Эннодия // Указ. соч. С. 15.

30 *Magnus Felix Ennodius. Opera* 198:9–10 (*olim Carmina* II, 80:9–10) // MGH AA. 7. P. 164; CSEL. 6. P. 583.

Для Эннодия было важно показать, что медиоланские епископы несут свет истины, раскрывая тайны Священных Писаний, как, например, Сенатор, создавший комментарий на книги пророков. Кроме того, Эннодий показывает, что Медиолан ещё до Акакианской схизмы твёрдо держался истинной веры, противостоя восточным Церквам; показывает, что духовное лидерство перешло на Запад, в результате чего уже Восток выступает в роли ученика. Вспомним, что эпиграмма Сенатору заканчивается признанием того, что Восток после триумфа западного посланника, сокрушившего ересь, устремил свои взоры «к свету, чужой лампы»³¹. Таким образом, если Восток и предложил когда-то начала веры, то Медиолан довёл её до совершенства, перехватив, таким образом, духовное лидерство.

Конечно, трудно сказать, насколько все эти намёки, в которых едва улавливался тот или иной смысл, были важны для посетителей храма, в котором были представлены портреты епископов, насколько они считывались ими, и уж тем более трудно представить, чтобы такого рода тексты, как эпиграммы, действительно формировали коллективную память прихожан того времени. Но мы должны признать, как минимум, значимость самого начинания, за которым стояло осознание либо епископом Лаврентием, либо самим Эннодием того, что подобная память необходима. С другой стороны, даже если нам будет казаться, что для жителей Милана начала VI в. не было важно, что кто-то из епископов их города был выходцем из восточных провинций или прославился в спорах с сильными мира сего, мы можем предположить, что в сознании читателей Эннодия закреплялись базовые идеи о том, каким должен быть епископ, чтобы заслужить добрую память. Вот почему есть смысл хотя бы кратко указать, на какую модель святости Эннодий ориентирует своего читателя.

Первое, что бросается в глаза: Эннодий, именуя многих своих героев святыми, что, в принципе, позволило бы ожидать с их стороны и посмертного служения во благо паствы, в центр внимания ставит исключительно земную деятельность. Эннодий может писать о кончине епископа, жизнь которого внезапно прервалась (как в случае с Бенигном) и который удалился на небеса, чтоб предстать пред Всевышним (как Глицерий), может говорить о посмертной славе (например, Евсевия, Марола); однако нигде в эпиграммах нет и намёка на то, что скончавшийся

31 *Magnus Felix Ennodius. Opera 205:9–10 (olim Carmina II, 87:9–10) // MGH AA. 7. P. 166; CSEL. 6. P. 587.*

пастырь выступает небесным патроном, защищая от врагов зримых и незримых, исцеляя от хворей или каким-то иным образом поддерживая жителей города. Это не означает, что Эннодий отрицал эту поддержку, но явно говорит о том, что слава пастыря определяется его земными делами.

Качества, суммой которых, по мнению Эннодия, должен обладать епископ³², в любом случае группируются вокруг таких базовых понятий, как власть, врачевание и учительство, что, в принципе, неудивительно, если учесть, что при создании «епископского портрета» авторы поздней Античности традиционно ориентировались на образ Христа, пришедшего в мир учить, исцелять, исполнить закон и давшего власть апостолам «связывать и разрешать». Очевидно, эти понятия (власть, врачевание и учительство) тесно связаны друг с другом и выражены в тексте с помощью близких по смыслу эпитетов. Как власть реализуется в наставлении, в требовании отказаться от порочного образа жизни, избавиться от болезней, вызванных прегрешениями, так и само учительство, как и врачевание, предполагает наличие авторитета и/или власти.

Уже в первой эпиграмме, посвящённой Амвросию, Эннодий, характеризуя язык святителя, использует цветовой маркер, отсылающий читателя к символике императорской власти, и говорит о языке, пламенеющем «царским пурпуром» (**regifico cui fulsit murice**)³³. И не случайно, вспоминая о преемнике Амвросия, Эннодий подчёркивает, что Симплициан принял под свою опеку «овдовевшее» царство (**spoliatum regnum**)³⁴. Более того, Эннодий приписывает Симплициану силу или могущество (*ops*), с помощью которого он смог это «овдовевшее царство» укрепить, то есть наделяет его качеством, также связанным с властью. Особенно явно параллель между епископской властью и властью царской и даже императорской проведена в эпиграмме, посвящённой Глицерию, который принял скипетр (*indeptus **sceptrum***) и подчинил

32 Литературному образу епископа эпохи поздней Античности в последнее время уделяется заметное внимание. В отечественной науке см., напр.: *Войлоков Б. М., Литовченко Е. В.* Этос священнослужителей в период Поздней Античности (по материалам писем Отцов Церкви и епископов) // *Via in tempore. История. Политология.* 2024. № 51 (3). С. 550–564.

33 *Magnus Felix Ennodius. Opera* 195:3 (*olim Carmina* II, 77:3) // MGH AA. 7. P. 162; CSEL. 6. P. 581.

34 *Magnus Felix Ennodius. Opera* 196:3 (*olim Carmina* II, 78:3) // MGH AA. 7. P. 163; CSEL. 6. P. 582.

багряницу (**purpura**) «власти ума» (*mentis imperio*)³⁵. Наконец, Эннодий, знакомя читателей с епископом Сенатором и используя аллюзию на «Энеиду» Вергилия, ставит епископа выше римских консулов:

«Вот, превзошёл кто трабеи, престол, по-габински надетую тогу,
Консулов выше, смотрите: стоит перед вами Сенатор»³⁶.

И неудивительно, что соперничество двух претендентов на епископскую кафедру Эннодий показывает именно как борьбу за власть или царство, если переводить *regnum* во всех эпиграммах так же, как и в эпиграмме Симплициану. Касаясь выборов Мартиниана, Эннодий, вспоминая о сопернике будущего епископа, говорит, что тот не заслужил обрести именно власть или получить царство (*qui, ut caperet regnum, vincere non meruit*)³⁷.

Несмотря на то, что в своих эпиграммах Эннодий, как минимум, пять раз использует слова *regnum* и *imperium* (или однокоренные с ними) и не разу не говорит об *auctoritas* епископа, для него пастьерское служение сопряжено прежде всего с противостоянием греху, чему в немалой степени должна способствовать нравственная чистота епископа, служащая примером для паствы. При этом при анализе текстов Эннодия важно обратить внимание на то, что эпитеты, выражающие нравственную чистоту епископов как что-то внутреннее, дополняются характеристиками, указывающими на активность пастьера, проявляемую вовне. Так, Евсевий показан не только кротким (*mitis*), благочестивым (*pius*), целомудренным (*integer*), но и сострадающим (*miserans*), щедрым (*largus*), собранным (*compositus*), отважным или решительным (*audax*). Марол изображён не только соблюдающим пост (*ieiunus*), но и недремлющим (*pervigil*), внимательным (*intentus*), прозорливым (*providus*), пламенным (*ardens*); как и Теодор не только добр (*bonus*), благоразумен (*sapiens*), спокоен (*tranquillus*), но и так же, как Марол, прозорлив (*praescius*), как и Евсевий, собран (*compositus*), смел (*fortis*) и препоясан (*accinctus*), то есть готов к деятельности. Таким образом, Эннодий, показывая служение епископа, демонстрирует

35 *Magnus Felix Ennodius. Opera* 200:7–8 (*olim Carmina* II, 82:7–8) // MGH AA. 7. P. 165; CSEL. 6. P. 584.

36 *Magnus Felix Ennodius. Opera* 205:1–2 (*olim Carmina* II, 87:1–2) // MGH AA. 7. P. 166; CSEL. 6. P. 586: «qui vicit **trabeas solium cinctumque** Gabinum, / **consulibus** praestans ecce Senator adest».

37 *Magnus Felix Ennodius. Opera* 199:6 (*olim Carmina* II, 81:6) // MGH AA. 7. P. 164; CSEL. 6. P. 584.

в качестве идеала гармонию созерцательной и активной жизни (*vita contemplativa et vita activa*).

Говоря о деятельности пастыря, Эннодий, как уже было сказано выше, создаёт среди прочего образ епископа-врачевателя и епископа-учителя. И если об исцелении от грехов и заблуждений Эннодий напрямую говорит лишь два раза, указывая на то, что Лазарь «лаской своей врачевал прегрешившим глубокие раны»³⁸, а Сенатор во время пребывания на Востоке «всё исцелил, что истерзано некогда было»³⁹, то об учительстве епископа он пишет постоянно. Это понятно, если учесть жизненный путь самого Эннодия, который пришёл к церковному служению из риториков и не утратил связи со школой⁴⁰.

Епископом-ритором оказывается у Эннодия не только Амвросий, который устами, «усеянными камнями драгоценными», не только учил других, но и сам следовал в жизни тому, чему наставлял⁴¹. Память о Венерии, третьем после Амвросия епископе, практически целиком связана с его наставлениями, поэтому мы позволим себе привести перевод эпиграммы целиком:

«Сколь целомудрен, воззрите, и красен сей юный Венерий!
 Чистая жизнь его с именем сколь несозвучна!
 Крепкие члены увяли под строгим и верным надзором.
 Старость объяла его ещё в бытность ребёнком.
 Кафедры только высокой достиг он, так начал
 Мягко людей наставлять, рассуждая об истинах старых,
 Золотом слово, струясь, изливалося из уст его щедрых,
 Жизнью своей озарял он, как солнцем, свои наставленья;
 Чрево чтоб Церкви тучнело от семени слова,
 Щедро его наполнял он апостольским млеком»⁴².

Начиная с пятой строки, текст эпиграммы наполняется лексикой, адресующей читателя к школьной и церковной риторике. Так, чтобы

38 *Magnus Felix Ennodius*. Opera 201:5–6 (*olim Carmina II*, 83:5–6) // MGH AA. 7. P. 165; CSEL. 6. P. 585.

39 *Magnus Felix Ennodius*. Opera 205:7–8 (*olim Carmina II*, 87:7–8) // MGH AA. 7. P. 166; CSEL. 6. P. 587.

40 Тюленев В. М. Эннодий: римский ритор в эпоху риторического поворота (к 1500-летию со дня смерти) // Указ. соч. С. 158–160.

41 Подробнее об этом см.: Тюленев В. М. Амвросий Медиоланский в поэтическом осмыслении Эннодия // Указ. соч. С. 10–14.

42 *Magnus Felix Ennodius*. Opera 197 (*olim Carmina II*, 79) // MGH AA. 7. P. 163; CSEL. 6. P. 582–583.

указать на место служения Венерия, Эннодий использует понятие кафедры (*cathedra*), которое связано прежде всего с учительством, а не называет его престолом (*sedis*). Далее он славит язык пастыря, называя уста щедрыми, а слово, исходящее из них, — золотым. Как и в случае с Амвросием, Эннодий, используя аллюзию на Евангелие от Матфея, где Иисус критикует книжников и фарисеев за то, что те поступают не так, как сами учат (см. Мф. 23,3), показывает, что Венерий «жизнью своей озарял свои наставленья». Наконец, епископ выступает у Эннодия виновником плодородия Церкви, наполняющим чрево Церкви семенем слова. Труд пастыря, как и труд учителя, всегда сопряжён с защитой от злого и производством благого, поэтому логично, что образ епископа-учителя дополняется в эпиграмме Геронтию образом епископа-земледельца, долгом которого является борьба с сорняками и обретение богатого урожая:

«Словно крестьянин, ты взращивал саженцы жизни,
Сорные травы, стелясь, не забыли того, что ты сеял.
Пищу давал кто, вельням благого закона покорный,
Небо снискал тот плодами своими земными,
Немощь души подавлял ты трудом неустанным,
Неги не ведал: тобой добродетели движут»⁴³.

Надо признать, что связь труда земледельца и труда учителя в целом характерна для поэтического языка Эннодия. Вспомним хотя бы его слова, обращённые к медиоланскому грамматiku Девтерию: «Мотыгой знания удалил ты из груди его (ученика. — *B. T.*) кусты держи-дерева и сорные травы; ты собрал пшеничную жатву, чтобы он ею насытил своих родственников»⁴⁴. Как видно, взращивание добра немислимо для Эннодия без предварительного осуждения зла, поэтому в его эпиграммах вполне естественно образ епископа-строгого учителя переходит в образ судии. Представляя Амвросия в качестве церковного оратора, поэт указывает не только на модуляцию голоса проповедника и его жестикуюляцию, но и показывает его судьей, ополчающимся на людские пороки:

43 *Magnus Felix Ennodius. Opera 203:5–10 (olim Carmina II, 85:5–10) // MGH AA. 7. P. 166; CSEL. 6. P. 586.*

44 *Magnus Felix Ennodius. Opera 94, 9 (olim Dictio 10) // MGH AA. 7. P. 118–119; CSEL. 6. P. 547.* Подробнее об этом см.: Тюленев В. М. Идеи образования и воспитания в сочинениях Эннодия // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения.* Иваново, 2015. Вып. 7. С. 44.

«Жестом людей наставлял, сдержанно, тихо,
 Взором порой обжигал, повергая их наземь, ругая;
 Он осуждал громогласно проступки большие,
 А небольшую вину осуждал он, смотря молчаливо»⁴⁵.

Не менее ярко образ грозного судьи передан в портрете Лазаря, перевод эпиграммы которому мы также приведём целиком:

«Лазарь, стопою попать чтоб вершины порочного мира,
 Грозный выходит вперёд, голосов чуть слышав призывы,
 Облик его невесёлый являл, сколь враждебен к порокам
 Тот, кто разил беспощадно грехи, бессловесно взирая.
 Тьму исторгал он из жизни, изъяны всегда подмечая,
 Лаской своей врачевал прегрешившим глубокие раны.
 Нет, не укрыться тому, кто свершает тайком преступленья,
 Даже незримый чужие грехи осуждал он повсюду.
 Свет безмятежный дарил незлобиво безвинным,
 Лик свой, как зеркало, ставил пред взором виновных»⁴⁶.

Итак, подводя итог, следует ещё раз обратить внимание на то, что Эннодий, составляя эпиграммы, посвящённые епископам Медиолана, вольно или невольно вносил вклад в формирование у жителей города исторической памяти. В этом отношении он выступил прямым продолжателем Амвросия, написав вслед за ним новую страницу медиоланской истории, при этом превратив святителя в её ключевую фигуру. Если Амвросий строил «культурную память» своей общины на почитании святых-мучеников, связанных с Медиоланом, чьё зримое присутствие горожане могли ощутить, поклоняясь обрётённым и перенесённым внутрь города мощам⁴⁷, то Эннодий выстраивает следующий уровень этой памяти, показывая, что история христианской общины Медиолана, начиная с Амвросия, вступила в новый этап. На этом этапе епископы, воспроизводя в своём служении модель поведения, предложенную святителем, выступают защитниками ортодоксии, образцами нравственности, учителями, призванными уберечь паству от греха и дать ей пример для подражания, а отойдя ко Господу, остаются, как и мученики, покровителями общины. Взявшись за написание новой

45 *Magnus Felix Ennodius. Opera 195:7–10 (olim Carmina II, 77:7–10) // MGH AA. 7. P. 163; CSEL. 6. P. 581.*

46 *Magnus Felix Ennodius. Opera 201 (olim Carmina II, 83) // MGH AA. 7. P. 165; CSEL. 6. P. 584–585.*

47 *Löx M. Monumenta sanctorum. S. 153.*

страницы медиоланской истории, Эннодий, конечно, не мог рассчитывать на то, что своими эпиграммами он достигнет того же эффекта, что и Амвросий посредством гимнов, в исполнении которых благодаря их поэтической простоте могли участвовать прихожане, вторя епископу и закрепляя смыслы, заложенные в текст⁴⁸. Но тем не менее если учесть, что эпиграммы не только служили подписями под настенными изображениями в храме, но и, очевидно, распространялись автором внутри коммуникативной сети (благодаря чему и не оказались утрачены вместе с изображениями, а вошли в коллекцию его литературных трудов), основные его идеи достигали людей его круга, тех людей, кто был способен воспринять сложный образный язык и по-прежнему играл определяющую роль в поддержании городской идентичности.

Источники

- Magni Felicis Ennodi Opera* / rec. F. Vogel. Berolini: Apud Weidmannos, 1885. (MGH AA; Bd. 7).
- Magni Felicis Ennodii Opera omnia* / rec. G. Hartelii. Vindobonae: Apud C. Geroldi Filium Bibliopolam Academiae, 1882. (CSEL; vol. 6).
- The Poetry of Ennodius / transl. with an introd. and notes by B. Mulligan. London: Routledge, 2022.

Литература

- Войлоков Б. М., Литовченко Е. В. Этнос священнослужителей в период Поздней Античности (по материалам писем Отцов Церкви и епископов) // *Via in tempore. История. Политология*. 2024. № 51 (3). С. 550–564.
- Тюленев В. М. Эннодий: римский ритор в эпоху риторического поворота (к 1500-летию со дня смерти) // *Средние века*. Вып. 82 (1). М.: Наука, 2021. С. 151–165.
- Тюленев В. М. Амвросий Медиоланский в поэтическом осмыслении Эннодия // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. Иваново: ИВГУ, 2022. Вып. 13. С. 5–21.
- Тюленев В. М. Епископы-риторы в эпиграммах и гимнах Эннодия // *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2022. Вып. 6 (2). С. 63–80.
- Тюленев В. М. Идеи образования и воспитания в сочинениях Эннодия // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. Иваново: ИВГУ, 2015. Вып. 7. С. 29–46.
- Collins S. From Martyrs' Cults to Confessors' Cults in Late Antique Milan: The Mosaics of San Vittore in Ciel d'Oro // *Journal of Late Antiquity*. 2012. Vol. 5 (2). P. 225–249.

48 Williams M. S. Hymns as Acclamations: The Case of Ambrose of Milan // *Journal of Late Antiquity*. 2013. Vol. 6 (1). P. 121.

- Di Rienzo D.* Gli Epigrammi di Magno Felice Ennodio. Napoli: Dipartimento di filologia classica 'F. Arnaldi' dell'Università degli studi di Napoli Federico II, 2005. (Pubblicazioni del Dipartimento di Filologia Classica «Francesco Arnaldi» dell'Università degli Studi di Napoli Federico II; vol. 27).
- Gioanni S.* Augustin, Paulin, Ennode et les origines de la mémoire d'Ambroise (V^e–VIe siècles). Une nouvelle fondation de l'Église de Milan? // La mémoire d'Ambroise de Milan. Usages politiques d'une autorité en Italie (V^e–XVIIIe siècle) / éd. par P. Boucheron et S. Gioanni. Paris: Éditions de la Sorbonne; Publications de l'École française de Rome, 2015. (Histoire ancienne et médiévale; vol. 133). P. 235–252.
- Gioanni S.* Une figure suspecte de la sainteté lérinienne: saint Antoine d'après la *Vita Antoni* d'Ennode de Pavie // Recherches augustiniennes et patristiques. 2007. Vol. 35. P. 133–187.
- Löx M.* Monumenta sanctorum: Rom und Mailand als Zentren des frühen Christentums: Märtyrerkult und Kirchenbau unter den Bischöfen Damasus und Ambrosius. Spätantike — Frühes Christentum — Byzanz. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2013. (Spätantike, frühes Christentum, Byzanz: Studien und Perspektiven; Bd. 39).
- Williams M. S.* Hymns as Acclamations: The Case of Ambrose of Milan // Journal of Late Antiquity. 2013. Vol. 6 (1). P. 108–134.